

# ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ И РЕЦЕПЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

## ISSUES OF POETICS AND RECEPTION OF FICTION TEXTS

DOI 10.15826/izv2.2021.23.3.050

УДК 821.161.1-1 Кантемир + 811.161.1'0 +  
+ 811.161.1'367

**Н. В. Патроева**

*Петрозаводский государственный  
университет*

Петрозаводск, Россия

### СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТИХОТВОРНЫХ СОЧИНЕНИЙ А. Д. КАНТЕМИРА

Целью статьи является выявление и характеристика типологических особенностей «синтаксического портрета» А. Д. Кантемира, в аспектах выявления «средней» поэтической синтаксической нормы эпохи, а также в тесной связи грамматики индивидуального слога с особенностями жанровой дифференциации, архитектоники стихотворных произведений и версификации. Материалом статьи послужили данные первого тома «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века».

Выявление синтаксических доминант стиля Антиоха Кантемира, в том числе на фоне общелитературной нормы эпохи, а также в аспекте связи «синтаксического портрета» поэта-реформатора с особенностями жанровой дифференциации версификации и архитектоники его стихотворных произведений проливает свет на сущность языковой программы А. Д. Кантемира. Силлабика демонстрирует особую сложность построения: в среднем 80 % предложений являются полипредикативными. Большая длина строки силлабического 13-сложника требует наполнения стиха разнообразными распространителями и осложнителями предложения, среди которых особенно активны деепричастные обороты. Слог сатир тяготеет к использованию определено-, обобщенно- и неопределенно-личных односоставных предложений, императивных и вопросительных высказываний. Кантемир вводит в структуру стиха конструкции, обязанные своим происхождением живой устной речи: именительный и инфинитив темы, вставку, вводно-модальные и присоединительные синтагмы. С ориентацией на античные и французские классицистические образцы, требования риторик Кантемир часто использует такие фигуры речи, как риторический вопрос, период, инверсию, повтор, амплификацию. Грамматика Кантемира сформировалась под влиянием разных литературных традиций — древнегреческой, латинской, церковнославянской

словесности, европейского барокко и западнорусской силлабики — и является по своим истокам синтетической и очень сложно и строго организованной системой, предназначенной прежде всего для воплощения просветительских идей и построения полемического дискурса. Логически сложный ход авторского размышления закономерно отражает столь же логически «трудный» синтаксис.

**К л ю ч е в ы е с л о в а:** лингвистические взгляды Кантемира; языковая полемика; поэтическая грамматика; синтаксис стихотворного текста; стиль сатиры; язык и стиль классицизма; язык и стиль барокко; история русского литературного языка

**Ц и т и р о в а н и е:** *Патроева Н. В.* Синтаксическая организация стихотворных сочинений А. Д. Кантемира // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 131–152. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.050>

*Поступила в редакцию: 17.09.2020*

*Принята к печати: 23.06.2021*

**Natalja V. Patroeva**

*Petrozavodsk State University*

*Petrozavodsk, Russia*

## **SYNTACTIC ORGANISATION OF A. D. KANTEMIR'S POEMS**

The purpose of this article is to identify and characterise the typological features of the “syntactic portrait” of A. D. Kantemir in the aspects of identification of the “average” poetic syntactic norm of the epoch, as well as in close connection of the grammar of an individual verse with the features of genre differentiation, architectonics of poetic works, and versification. The article refers to the data of the first volume of the *Syntactic Dictionary of 18<sup>th</sup>-Century Russian Poetry*.

Revealing the syntactic dominants of Antiochus Kantemir's style, including the background of the general literary norm of the era, as well as in the aspect of the connection between the “syntactic portrait” of the reformer poet and the peculiarities of the genre differentiation of the versification and architectonics of his poetic works, sheds light on the essence of Kantemir's linguistic programme. His syllabics is particularly complex from the point of view of its construction: on average, 80 percent of sentences are polypredicative. The long line length of the syllabic texts requires the verse to be filled with various distributors and complicators of the sentence, including participle clauses. The verse of the satires tends to include definite-personal, generalised-personal, and indefinite-personal one-member sentences, imperative, and interrogative statements. Kantemir introduces constructions that originate in living speech into the structure of the verse: the nominative of the theme and infinitive of the theme, insertion, and introductory modal and connecting syntagmata. Referring to antique and French classic patterns, Kantemir the rhetorician often uses such figures of speech as rhetorical questions, periods, inversions, repetition, and amplification. Kantemir's grammar formed under the influence of various literary traditions — Ancient

Greek, Latin, Old Church Slavonic literature, European Baroque, and Western Russian syllabics — and is synthetic in its origin and a very complex and strictly organised system, intended primarily for the embodiment of educational ideas and the construction of polemical discourse. The logically complex course of the author's reflection naturally mirrors the equally logically "difficult" syntax.

**Key words:** linguistic views of Kantemir; linguistic controversy; poetic grammar; poetic text syntax; style of satire; Classicism language and style; Baroque language and style; history of Russian literary language

**For citation:** Patroeva, N. V. (2021). Sintaksicheskaia organizatsiia stikhotvornykh sochinenii A. D. Kantemira [Syntactic Organisation of A. D. Kantemir's Poems]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(3), 131–152. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.050>

*Submitted: 17.09.2020*

*Accepted: 23.06.2021*

Роль Антиоха Кантемира в реформировании русского литературного языка остается до сих пор во многом недооцененной, а лингвистические идеи и стилистические устремления того, кто «взял по-галльски — заплатил по-русски», не реконструированы в полном объеме: рано ушедший из жизни поэт не оставил трактатов, подобных «Краткому руководству к красноречию» или «Российской грамматике» Ломоносова, к тому же часть творческого наследия Кантемира утрачена, вероятно, навсегда. Источниками, позволяющими хотя бы в некоторой степени прояснить позицию Антиоха Кантемира в филологических спорах начала — середины XVIII в., могут служить предисловия к его переводам с древнегреческого, латыни, французского, итальянского, а также к русско-французскому словарю<sup>1</sup>, примечания к собственным поэтическим сочинениям и «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских», которое посвящено не только предложениям относительно применения и трансформации версификационных правил.

Разумеется, говоря о лингвистической позиции Кантемира и об истоках его «трудной», по выражению С. И. Николаева [Николаев, с. 3–14], поэтики, следует учитывать филологические штудии Кантемира: его домашнее образование<sup>2</sup>, учебу в Академическом университете [Радовский, с. 17], чтение филологических трудов Петровской эпохи и послепетровского периода (труды Ф. Поликарпова

<sup>1</sup> Словарь Кантемира опубликован: [Русско-французский словарь]; см. также: [Градова].

<sup>2</sup> Домашним учителем А. Кантемира был упомянутый позднее в «Опыте словаря о российских писателях» Н. И. Новикова стихотворец Иван Ильинский, получивший образование в Славяно-греко-латинской академии Москвы, хороший знаток древнерусской письменности. Другим наставником юного Антиоха стал священник Анастасий Кондоиди, обучавший детей Дмитрия Кантемира древнегреческому, латинскому, итальянскому языкам. Произведения Кантемира свидетельствуют о рецепции церковнославянских и старорусских памятников. О широкой лингвистической эрудиции десятилетнего Антиоха говорит, например, его выступление в Московской Славяно-греко-латинской академии с похвальным словом о Дмитрии Фессалонийском на древнегреческом языке.

и Ф. Максимова, грамматики Й. Э. Глюка [Glück], И. В. Пауса (Паузе)<sup>3</sup>, «Академической грамматики» [Compendium Grammaticae Russicae; см.: Успенский, 1975], В. А. Адодурова [Адодуров]<sup>4</sup>, сочинений В. А. Тредиаковского и др.<sup>5</sup>), участие в обсуждении Академией наук проекта создания грамматики нового литературного языка [подробнее см.: Успенский, 1985; 1994; Живов, 1996; 2004], — всё это не могло не оказать влияние на формирование поэтического стиля А. Кантемира.

Грамматика А. Кантемира чрезвычайно редко оказывалась предметом специального рассмотрения [см., например: Руднев; Довгий], что только подчеркивает актуальность исследования синтаксического строя кантемировских произведений. По словам О. Л. Довгий, «если когда-нибудь всё же будет создан глубокий тезаурус сатир, с детальным описанием грамматического уровня, то “грамматическое своеобразие” (Р. Якобсон) Кантемира, его умение использовать все внутренние резервы слова, его искусство превращать грамматику в поэтику будет видно ясно» [Довгий, с. 21]. В 2017 г. увидел свет «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века» [Синтаксический словарь], материалы которого позволяют составить представление о синтаксисе стихотворных произведений малых и средних жанров и его роли в формировании метрического, композиционного и жанрового своеобразия стихотворного текста, системы используемых поэтами риторических приемов.

Выявление типологических особенностей «синтаксического портрета» А. Д. Кантемира в аспекте выявления «средней» поэтической синтаксической нормы эпохи, а также в тесной связи грамматики индивидуального слога с особенностями жанровой дифференциации, архитектоники стихотворных произведений и версификации представляется актуальным с точки зрения не предпринимавшегося до сих пор комплексного анализа грамматических доминант русской силлабической поэзии на фоне тенденций развития общелитературного языка.

Гипотезой работы является предположение о синкретическом, синтетическом характере кантемировского стиля, сочетающего в себе традиции и старорусского книжного стиля «плетения словес», демонстрирующего тенденции к синтаксическому усложнению и амплификации, и стиля барокко как причудливо украшенного, эклектичного, насыщенного контрастными особенностями слога, и формировавшиеся уже в первые десятилетия XVIII в. классицистические устремления к ясности и точности выражения.

Литературное творчество А. Кантемира началось с перевода написанной на латыни работы «Господина философа Константина Манассиса Синопсис исторической» (1725) и последующего редактирования этого текста с опорой

<sup>3</sup> Грамматика И. В. Пауса напечатана в работе [Михальчи]; см. также: [Живов, Кайперт; Huterer, S. 408].

<sup>4</sup> Грамматика В. Адодурова в виде приложения к Вейманнову словарю (1731) была в библиотеке А. Кантемира — см. список книг кантемировской библиотеки в работе [Александренко].

<sup>5</sup> О филологических трудах этого периода см. подробнее: [Успенский, 1997; Бабаева, Запольская; Бабаева].

на греческий оригинал. Сам переводчик назвал в предисловии свой язык «славно-российским»: в переводе главенствуют церковнославянские грамматические нормы. То же наблюдаем и в «Симфонии на Псалтырь» (1726)<sup>6</sup> — первом напечатанном своде псалмов Давида, переведенных и по азбучно-тематическому принципу расположенных Кантемиром. В переложениях с латинского Антиохом Кантемиром псалмов 36 и 72 мы видим те же старославянские синтаксические образцы:

Уж лишних богатств дом их пространный  
Не вмещает —  
Счастья своего ни дух высокий  
Обымает...

Сие егда зрит праведник в мире,  
Озлобленный,  
Не дивно, что весь шатнется в вере,  
Изумленный...

И с кротостью терпеть болезни  
Есть непрочно...

[Кантемир, с. 256–257]

Позднее, в «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» Антиох Кантемир с гордостью подчеркнет: «Язык французский не имеет стихотворного наречия; те ж речи в стихах и в простосложном сочинении принужден он употреблять», а «наш язык, напротив, изрядно от славенского занимает отменные слова, чтоб отдалиться в стихотворстве от обыкновенного простого слога» [Там же, с. 408].

С 1729 г. Кантемир практически полностью переключается на жанр сатиры, и лексический состав написанных им произведений сильно отличается от предшествующего этапа: появляется много слов и фразеологизмов из русской устно-разговорной стихии, заимствований, неологизмов; между тем, как свидетельствуют проведенные исследования, синтаксис Кантемира остается очень сложным, свойственным не «простому» («низкому») жанру, но, напротив, «важному» («высокому»). Так формируется оксюморонно-противоречивый, «трудный» слог Кантемира, сочетающий «ученость» книжного стиля поэта — наставника, решающего «общегосударственную задачу» [Стенник, с. 81] просвещения, с иными стремлениями — к привлечению читательского внимания, к хлесткой, обличающей оценочности, которые обусловили проникновение в языковую палитру сатир просторечия, фольклоризмов, диалектизмов, иногда и изобретение лексических либо грамматических новшеств — уже в соответствии с миссией обличения людских пороков.

<sup>6</sup> Эта книга использовалась М. В. Ломоносовым при написании «Предисловия о пользе книг церковных в российском языке» [см.: Кайперт, с. 37].

С. И. Николаев выявил в кантемировских сатирах ряд грамматических явлений, восходящих к оборотам латинского языка, синтаксические кальки, например, свойственное также церковнославянским образцам одиночное отрицание или *accusativus cum infinitivo* [Николаев, с. 3–8]. Приведем примеры:

Нужно добродетелей звать того, другого,  
От кого век не видал добра никакого,  
И средь зимы провожать, сам без шапки, в сани,  
*Притворяясь не слышать за плечи слух брани.*

[Кантемир, с. 148]

Когда вредить той кому лише сможет,  
Вредит, *никую имея причину*;  
Сильно в несчастье впадшему поможет  
Достичь злу кончину.

[Там же, с. 198]

Все эти явления свидетельствуют об ориентации Кантемира в поисках поэтического языка на разные языковые традиции — старую и новую, «свою» и «чужую». Вполне вероятно, что Кантемир считал первоначальный эклектизм в деле создания нового слога явлением неизбежным: отбор наиболее совершенного и адекватного художественной задаче из системы общеупотребительного языка, шлифовка слога совершаются постепенно. Между тем в творческой биографии Кантемира оказалось слишком мало времени для завершения задуманного, и довершать начатое первым русским реформатором пришлось Третьяковскому и поэтам следующих поколений — Ломоносову, Карамзину, Пушкину.

На то, что Антиох Кантемир очень тщательно относился к отделке грамматического оформления своих стихов, указывают регулярные авторские примечания к сатирам, часто включающие толкования «темных мест» в морфологическом и синтаксическом устройстве стихов, например к восьмой сатире: «Ст<их>. 88 *Редко кто речи людей*. Желая разуместь связность следующих стихов с предыдущими, должно бы внести после заставляет в стихе 87: *для того, что редко кто речи людей* и проч.» [Там же, с. 179]; и пр. Это доказывает также, что поэт понимал, как трудны его тексты для восприятия возможным адресатом, и заранее изобретал разнообразные средства для оптимизации читательского восприятия, но не путем упрощения текста (даже после прижизненной переделки самим поэтом первоначальных редакций кантемировский текст не становился прозрачнее, «проще»), а через постраничный комментарий как важную составную часть дискурса сатир.

Синтаксис стихотворных произведений А. Кантемира демонстрирует структурно-семантическую усложненность: отчетливое преобладание многокомпонентных предложений с контаминированной, т. е. включающей пара- и гипотаксис, и подчинительной связями. Предложения с одним грамматическим центром

составляют лишь пятую часть всех использованных Кантемиром конструкций, причем элементарных (простых неосложненных) среди них лишь 11 % (см. табл. 1). Сопоставление кантемировского синтаксиса с «грамматикой поэзии» следующего периода в развитии русской лиры показывает резкое увеличение доли осложненных двусоставных предложений, односоставных конструкций, а также сложных предложений с бессоюзием к середине и концу XVIII столетия, что ярко подчеркивает, в том числе и в тесной связи с тенденциями к постепенному уменьшению размера стихотворения и строфы в целом, стремление русского поэтического слога к поиску более экономных, чем сложное предложение, средств выражения чувства и мысли, а также к разнообразию синтаксической палитры.

Трансформировал синтаксическую палитру силлабики, в сравнении с А. Д. Кантемиром, уже его младший современник В. К. Тредиаковский. Языковые программы Кантемира и раннего Тредиаковского были близки<sup>7</sup>: оба пытались обновлять поэтический слог путем демократизации словоупотребления и сближения с западноевропейскими языками (в частности, французским или итальянским). Поэтому, вероятно, и Кантемир двадцать лет спустя, подобно Тредиаковскому, мог бы попытаться переделать свои силлабические опыты в том же духе (не столько упрощения, сколько именно трансформации синтаксических структур), если бы принял новую систему стихосложения.

Наряду со структурным типом предложения, его размер (объем, длина) составляет индивидуальность идиостиля (см. табл. 2). Если средняя длина предложения в количестве слов отличается наиболее высоким значением именно в поэзии Кантемира, то средний размер предложения в количестве строк-стихов у Кантемира ниже, чем, например, у Хераскова или Державина, — очевидно, в силу преобладания силлабического 13-сложника, делающего саму строку сатиры очень длинной: весьма объемные кантемировские конструкции тяжеловесны внутри строк-стихов.

---

<sup>7</sup> Исследователи-биографы указывают на факт знакомства Кантемира, будущего создателя «Письма Харитона Макентина своему приятелю о сложении стихов русских» (1744), с опубликованным в 1735 г. стиховедческим трактатом В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» как свидетельствующий об истоке полемики между Кантемиром и Тредиаковским по вопросу о путях развития русского стихосложения [см.: Салова, с. 94–95]. Известна и такая биографическая деталь: возвратившись из-за границы, Тредиаковский читал вслух в кругу знакомых первую сатиру Кантемира (рукописную копию произведения, которое будет напечатано в России впервые более 30 лет спустя) и сразу же получил репутацию вольнодумца [см.: Прийма, с. 12].

Таблица 1

## Общая типология предложений

Тип предложения	Авторы							
	Кантемир	Тредиаковский	Ломоносов	Сумароков	Херасков	Державин	Карамзин	Дмитриев
НДП	80 (9,7 %)	114 (19,2 %)	437 (19,92 %)	600 (19,9 %)	101 (13,9 %)	266 (14,4 %)	427 (23,6 %)	952 (27,3 %)
НОП	22 (2,7 %)	17 (2,9 %)	57 (2,6 %)	128 (4,2 %)	47 (6,5 %)	73 (4 %)	140 (7,7 %)	286 (8,2 %)
ОДП	45 (5,4 %)	55 (9,3 %)	271 (12,35 %)	288 (9,5 %)	28 (3,8 %)	140 (7,6 %)	138 (7,6 %)	392 (11,3 %)
ООП	23 (2,8 %)	22 (3,7 %)	65 (2,96 %)	88 (2,9 %)	21 (2,9 %)	49 (2,7 %)	74 (4,1 %)	146 (4,2 %)
БСП	19 (2,3 %)	19 (3,2 %)	88 (4,01 %)	179 (5,9 %)	43 (5,9 %)	91 (4,9 %)	96 (5,3 %)	199 (5,7 %)
БСПП	96 (11,6 %)	57 (9,6 %)	345 (15,72 %)	431 (14,3 %)	93 (12,8 %)	187 (10,1 %)	162 (9 %)	256 (7,3 %)
ББСП	71 (8,6 %)	67 (11,3 %)	262 (11,94 %)	294 (9,7 %)	90 (12,4 %)	223 (12,1 %)	255 (14,1 %)	390 (11,2 %)
МСП	6 (0,7 %)	4 (0,7 %)	2 (0,09 %)	13 (0,4 %)	3 (0,4 %)	11 (0,6 %)	1 (0,1 %)	27 (0,8 %)
МСПП	76 (9,2 %)	16 (2,7 %)	82 (3,74 %)	85 (2,8 %)	30 (4,1 %)	63 (3,4 %)	59 (3,3 %)	57 (1,6 %)
МБСП	35 (4,2 %)	65 (11 %)	106 (4,83 %)	145 (4,8 %)	49 (6,7 %)	173 (9,4 %)	124 (6,9 %)	146 (4,2 %)
МСПСП	73 (8,8 %)	34 (5,7 %)	102 (4,65 %)	191 (6,3 %)	40 (5,5 %)	89 (4,8 %)	48 (2,7 %)	76 (2,2 %)
МСПСБ	24 (2,9 %)	27 (4,6 %)	64 (2,92 %)	174 (5,8 %)	41 (5,6 %)	165 (8,9 %)	96 (5,3 %)	217 (6,2 %)
МСППБ	146 (17,6 %)	51 (8,6 %)	199 (9,07 %)	220 (7,3 %)	102 (14 %)	200 (10,8 %)	127 (7 %)	150 (4,3 %)
МСПСПБ	109 (13,2 %)	44 (7,4 %)	56 (2,55 %)	172 (5,7 %)	40 (5,5 %)	110 (6 %)	53 (2,9 %)	117 (3,4 %)
ФП	—	—	1 (0,05 %)	7 (0,2 %)	—	5 (0,3 %)	1 (0,1 %)	23 (0,7 %)
НП	3 (0,4 %)	1 (0,2 %)	57 (2,6 %)	7 (0,2 %)	—	—	9 (0,5 %)	49 (1,4 %)
Всего	828 (100 %)	593 (100 %)	2 194 (100 %)	3 022 (100 %)	728 (100 %)	1845 (100 %)	1810 (100 %)	3483 (100 %)



Таблица 2

**Максимальная и средняя длина предложения**

Автор	Длина предложения (количество слов)		Длина предложения (количество строк)	
	максимальная	средняя	максимальная	средняя
Кантемир	133	22,6	18*	3,4
Тредиаковский	156	15,6	22	3,2
Ломоносов	134	16,5	12	3,3
Сумароков	88	14,3	17	2,7
Херасков	108	16,1	14	3,7
Державин	114	20,5	24	4,5
Карамзин	143	15,0	34	2,9
Дмитриев	112	12,2	18	2,3

\* В переложениях псалмов — до 29 строк, однако переводы с латинского и других языков в словаре специально не рассматриваются.

Та самая степень «разветвленности» подчинительного куста, о которой в связи с синтаксисом ломоносовских и сумароковских произведений писала Г. Н. Акимова [см., например: Акимова, 1973; 1976], как раз позволяет максимально удлинять стих за счет второстепенных членов предложения, многочисленных обособлений, придаточных частей. Приведем только один пример:

Тогда должность поведет тебя в поле вялить,  
 Увечиться и против смерти груди пялить;  
 Иль с пером в руках сносить шум и смрад приказный,  
 Боясь всегда не проспать час к делам указный,  
 И с страхом всегда крепить в суду приговоры,  
 Чтоб тебя не довели с сильнейшим до ссоры;  
 Или торчать при дворе с утра до полночи  
 С отвесом в руках и сплошь напаяливиши очи,  
 Чтоб с веревки не скользнуть; а между тем свищет  
 Славолюбие в ушах, что, кто славу ищет,  
 В первой степени тому стыд остановиться;  
 Убо, повторяя труд, лет с тридцать нуриться,  
 Лет с тридцать бедную жизнь еще продолжать  
 Станешь, чтоб к цели твоей весь дряхл добежать.

[Кантемир, с. 148–149]

Не менее  $\frac{1}{5}$  кантемировского текста переусложнено, полипредикативно, поэтому читателю очень трудно «распутывать» синтаксические здания Кантемира, «но если учесть, что русский литературный язык являл собой в его время лишь скопление необработанных глыб, то следует скорее удивляться тому, как гибко и чисто умел выражаться Кантемир хотя бы в части, и притом значительной, своих стихотворных произведений...» [Щеглов].

Русская силлабика демонстрирует сугубую сложность построения: у Кантемира не менее 80 % силлабических стихов (см. табл. 3) насыщены полипредикативными структурами. Силлабические с разным количеством слогов строки, однако, чаще заполняются осложняющими конструкциями разных видов, чем частями сложных конструкций, в сравнении с 13-сложниками<sup>8</sup>, гораздо более склонными к скоплению придаточных, например:

Греков против римска был всего защититель  
Войска Архимед один, дивных вымыслитель  
Орудий, поразив  
Войско и превратив  
В пепел, в прах флот воздушным  
Огнем, уму послушным;  
Хитростию и советы,  
Оружие и наветы  
Воспятив сопротивных,  
В мужестве, в деле дивных.

[Кантемир, с. 212].

Выяснение взаимосвязи между архитектурой стихотворения и его синтаксисом дало следующие результаты: построение астрофических произведений в целом только чуть сложнее, чем неравнострофных и редких у Кантемира тождественнострофических (см. табл. 4), — в среднем соответственно 13,4, 10 и 11 % простых элементарных, т. е. не осложненных разнообразными видами обособлений, предложений, однако вольные и равнострофные композиции вдвое чаще требуют усложнения стиха. Кантемир экспериментировал с катренами и секстинами, но предпочитал астрофическое и неравнострофное построение текста, поэтому в целом строфика оказывает мало влияния на размер пространного кантемировского предложения.

Диахронический анализ позволил представить эволюцию поэтического синтаксиса по отдельным жанрам (см. табл. 5): ода является самым сложно организованным жанром и после А. Кантемира; синтаксис посланий проще (сложных предложений вдвое меньше); далее по степени «упрощения» синтаксиса следуют внежанровое стихотворение, сатира, эпиграмма и басня.

Рифмообразование совершается, согласно традиции вирш XVII в., во многом еще с опорой на гомеотелевтон, так что в сильных позициях конца строки чаще всего оказываются слова, морфологически (с точки зрения частеречной принадлежности) и синтаксически (как компоненты предложения) подобные, хотя стремление нарушить однообразие рифм уже заметно, особенно в позициях имен.

---

<sup>8</sup> О силлабическом стихе см., например: [Гаспаров].

Таблица 3

## Соотношение типа предложения и метрической организации стиха Антюха Кантемира

Тип пред- ложения	Сил11+12	Сил11+6	Сил12+13+ +14	Сил11+10	Сил6+7+8+ +10+11+12+13	Сил8	Сил11	Сил13	Сил13+10
НДП	—	—	3 (15 %)	—	—	—	4 (18,2)	71 (10 %)	—
ОДП	—	—	1 (5 %)	—	2 (11,8 %)	—	1 (4,5 %)	40 (5,6 %)	1 (4,2 %)
НОП	—	—	—	—	—	—	—	21 (3 %)	1 (4,2 %)
ООП	—	1 (10 %)	3 (15 %)	2 (12,5 %)	1 (5,9 %)	—	1 (4,5 %)	14 (2 %)	1 (4,2 %)
БСП	—	—	—	—	2 (11,8 %)	—	—	16 (2,3 %)	1 (4,2 %)
БСПП	1 (16,7 %)	2 (20 %)	1 (5 %)	2 (12,5 %)	2 (11,8 %)	—	2 (9,1 %)	81 (11,4 %)	5 (20,8 %)
ББСП	—	—	3 (15 %)	3 (18,8 %)	1 (5,9 %)	—	5 (22,7 %)	54 (7,6 %)	5 (20,8 %)
МССП	—	—	—	—	—	—	—	6 (0,8 %)	—
МСП	—	1 (10 %)	1 (5 %)	—	3 (17,6 %)	—	1 (4,5 %)	70 (9,9 %)	3 (12,5 %)
МБСП	1 (16,7 %)	2 (20 %)	1 (5 %)	1 (6,3 %)	—	—	—	30 (4,2 %)	—
МСПСП	—	1 (10 %)	2 (10 %)	2 (12,5 %)	1 (5,9 %)	—	1 (4,5 %)	65 (9,2 %)	2 (8,3 %)
МСПСБ	—	1 (10 %)	1 (5 %)	2 (12,5 %)	—	—	1 (4,5 %)	20 (2,8 %)	—
МСПБ	3 (50 %)	2 (20 %)	2 (10 %)	2 (12,5 %)	4 (23,5 %)	—	4 (18,2 %)	127 (17,9 %)	2 (8,3 %)
МСПСПБ	1 (16,7 %)	—	2 (10 %)	2 (12,5 %)	1 (5,9 %)	1 (100%)	2 (9,1 %)	95 (13,4 %)	3 (12,5 %)
Всего	6 (100 %)	10 (100 %)	20 (100 %)	16 (100 %)	17 (100 %)	1 (100%)	22 (100 %)	710 (100 %)	24 (100 %)

Таблица 4

**Соотношение между типом предложения и типом композиционной организации стихотворений Антиоха Кантемира**

Тип предложения	Астрофическая композиция	Вольная композиция	Равнострофные стихи	
			4-стишие	6-стишие
НДП	71 (10,2 %)	8 (8,7 %)	—	2 (11,1 %)
ОДП	32 (4,6 %)	10 (10,9 %)	—	—
НОП	22 (3,2 %)	1 (1,1 %)	—	—
ООП	15 (2,2 %)	2 (2,2 %)	1 (6,3 %)	2 (11,1 %)
БССП	14 (2 %)	5 (5,4 %)	—	—
БСПП	75 (10,8 %)	17 (18,5 %)	3 (18,8 %)	2 (11,1 %)
ББСП	57 (8,2 %)	10 (10,9 %)	—	3 (16,7 %)
МССП	4 (0,6 %)	1 (1,1 %)	—	—
МСПП	64 (9,2 %)	10 (10,9 %)	1 (6,3 %)	—
МБСП	32 (4,6 %)	3 (3,3 %)	3 (18,8 %)	1 (5,6 %)
МСПСП	67 (9,6 %)	4 (4,3 %)	1 (6,3 %)	2 (11,1 %)
МСПСБ	18 (2,6 %)	4 (4,3 %)	1 (6,3 %)	2 (11,1 %)
МСППБ	125 (17,9 %)	15 (16,3 %)	5 (31,3 %)	2 (11,1 %)
МСПСПБ	101 (14,5 %)	2 (2,2 %)	1 (6,3 %)	2 (11,1 %)
Всего	697 (100 %)	92 (100 %)	16 (100 %)	18 (100 %)

Составляющие один из ритмообразующих факторов переносы из строки в строку (или анжамбманы, этот «единственный ритмический ход, который ни при каких условиях не может быть ассимилирован прозой» [Шапир, с. 20]) Кантемир использовал очень часто, что прозаизировало мелодику его сатир. Частота переносов и инверсий, наряду с отсутствием строгого соблюдения в чередовании ударных и безударных слогов, дала основание В. К. Тредиаковскому, автору «Нового и краткого способа к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» заметить о силлабике: «...наши стихи все прозаичны и на стихи не походят», поскольку «ничего в себе стиховного, кроме слогов и рифмы, не имеют...» [Тредиаковский, с. 365]. Кантемир же, напротив, в качестве похвалы русскому языку отмечает, что он «полную власть имеет в предложении, которое не только стих, но и простую речь украшает» [Кантемир, с. 408], т. е. свободен в порядке слов и позволяет приумножать инверсию. Свободная расстановка слов в предложении, широкое использование инверсии и дислокации зависимых элементов предложения были необходимы прежде всего для соблюдения той силлабической схемы, которую Кантемир считал оптимальной для русского стихосложения (с обязательной цезурой после ударного седьмого или шестого слога в 13-сложнике).

Таблица 5

## Соотношение между типом предложения и жанрами стихотворных произведений Антиоха Кантемира

Тип предложения	Жанр						Внежанровое стихотворение
	Ода духовная и нравучительная	Ода торжественная и гражданская	Послание, письмо	Басня	Эпиграмма	Сатира	
НДП	3 (6,7 %)	—	4 (8,7 %)	7 (11,5 %)	6 (14,5 %)	57 (9,5 %)	3 (8,1 %)
ОДП	1 (2,2 %)	2 (10 %)	2 (4,3 %)	8 (13,1 %)	2 (4,9 %)	29 (4,9 %)	1 (2,7 %)
НОП	—	—	1 (2,2 %)	—	—	21 (3,5 %)	—
ООП	3 (6,7 %)	1 (5 %)	1 (2,2 %)	1 (1,6 %)	3 (7,5 %)	11 (1,8 %)	3 (8,1 %)
БСП	—	2 (10 %)	1 (2,2 %)	3 (4,9 %)	1 (2,5 %)	13 (2,2 %)	1 (2,7 %)
БПП	6 (13,3 %)	2 (10 %)	1 (2,2 %)	12 (19,7 %)	3 (7,5 %)	71 (11,9 %)	3 (8,1 %)
ББСП	8 (17,8 %)	1 (5 %)	5 (10,9 %)	5 (8,2 %)	8 (19,5 %)	40 (6,7 %)	8 (21,6 %)
МСП	—	—	—	1 (1,6 %)	—	5 (0,8 %)	—
МСПП	1 (2,2 %)	3 (15 %)	7 (15,2 %)	6 (9,8 %)	—	59 (9,9 %)	—
МБСП	4 (8,9 %)	—	—	4 (6,6 %)	3 (7,5 %)	25 (4,2 %)	3 (8,1 %)
МСПСП	4 (8,9 %)	3 (15 %)	5 (10,9 %)	2 (3,3 %)	1 (2,5 %)	59 (9,9 %)	1 (2,7 %)
МСПСБ	4 (8,9 %)	1 (5 %)	5 (10,9 %)	—	2 (4,9 %)	13 (2,2 %)	2 (5,4 %)
МСПБ	7 (15,6 %)	4 (20 %)	10 (21,7 %)	9 (14,8 %)	8 (19,5 %)	106 (17,8 %)	8 (21,6 %)
МСПСПБ	4 (8,9 %)	1 (5 %)	4 (8,7 %)	3 (4,9 %)	4 (9,8 %)	88 (14,7 %)	4 (10,8 %)
Всего	45 (100 %)	20 (100 %)	46 (100 %)	61 (100 %)	41 (100 %)	597 (100 %)	37 (100 %)

В области типологии кантемировских предложений обращает на себя внимание большой удельный вес определенно- и обобщенно-личных предикативных единиц, а также обще- и частноотрицательных высказываний: *Таковы слыша слова и примеры видя, / Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя* [Кантемир, с. 61]; *Тужить не напрасно / Можем, приближаясь к смерти повсечасно* [Там же, с. 112]. Безличные и инфинитивные конструкции (*Жизнь, так покойну, можно ль несчастьем звати?* [Там же, с. 270]; *Ах! дражайшая воля, с чем тебя сравняти?* [Там же]; и т. п.) редки, а номинативные еще не используются. Возможно, это обстоятельство, как и низкая употребительность неполных предложений, обусловлено влиянием романских и германских языков, которыми Кантемир прекрасно владел. Неопределенно-личные конструкции более активны, передавая обычное положение дел, типичное, часто встречающееся в поведении людей: *Мало любят, чуть не все, истинну украсу* [Там же, с. 60]; *Так ли теперь говорят, так ли живут в людях?* [Там же, с. 110].

Большую роль в организации сатирического дискурса играют высказывания, выражающие риторические восклицания (например: *Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпели!* [Там же, с. 60]), и вопросы, которые формируют нередко параллельные ряды:

Победил ли сам враги? дал пользу народу?  
Устрашил ли действиями Нептуна власть — воду?  
Сокровища ль царские тобой умножены?  
Презрев покой, подъял ли сам труды военны?  
[Там же, с. 70]

В сфере сложных предложений, наряду с изъяснительными и атрибутивными, активны противительные, условные и следственные по значению конструкции, необходимые для логически четкого построения полемического высказывания:

Удалось ли кому в чин неважный добиться,  
Хвалят ли кого — ворчит и злобно дивится  
Слепому суду людей, что свойства столь плохи  
Высоко ценит.  
[Там же, с. 98];

Я несчастливый тот день себе быть считаю,  
Когда мне случится с ним сойтись, ибо знаю,  
Что как скоро с глаз его сойду — уж готово  
Столь злобное ж обо мне будет ему слово.  
[Там же, с. 96–97]

Самый активный у Кантемира среди подчинительных союз *что*, в силу многозначности, часто создает трудные для интерпретации амфиболические контексты с определительным и изъяснительным употреблением в пределах одного предложения:

Кто б не смеялся тому, что стезжу жестоку  
Топчет, лезя весь в поту на гору высокоу,  
Коей вершина остра так, что, осторожно  
Сколь стопы ни утверждать, с покоем не можно  
Устоять, и всякий ветер, что дышит, опасный:  
Грозит бедному падеж в стремнины ужасны;  
Любочестный, однак, муж на него походит.

[Кантемир, с. 147]

Коннектор *кой* успешно конкурирует с гораздо более редким у Кантемира *который* в атрибутивном и изъяснительном значениях, нередко располагаясь не в начале придаточной части: *В ум свой не может вместить, что не все вздыхают / Девицы по нем, любви **кои** сладость знают* [Там же, с. 95]; *Никто в городе, **кой** час, лучше его знает* [Там же, с. 234]. Устаревшие реляты *бо, буде, неж, аще, иже, колико, еда* и *яко же* у Кантемира нечасты [см., например: Там же, с. 60, 159, 182, 195, 211–213, 237].

Кантемир был, возможно, первым русским стихотворцем, активно использовавшим в сатирах, одах и песнях вводные, вставные и присоединительные конструкции, сегментированные (типа именительного или инфинитива темы) как новые для книжного слога аналитические построения<sup>9</sup>, — вероятно, под влиянием не только французского синтаксиса, но и живой русской разговорной речи:

Зная же небесного царя, благочестно  
Того чтит, иже душу (как, то неизвестно)  
Разумную вложил в тело,  
Причастницу божественна духа.

[Там же, с. 211];

Видел я многих, и неоднократно,  
Которые, в старость достигше глубокоу,  
Горькие слезы с вздыханием лили...

[Там же, с. 213];

Суд трудный мудро решить, исчислить приходы  
Пространна царства и им соравнить расходы  
Одним почти почерком; в безднах вод надежный  
Предызбирать всегда путь; любитель прилежный  
Небес числить всякого удобно светила  
Путь и беглость и того, сколь велика сила  
Над другим; в твари всему знать исту причину —  
Мудрым зваться даст тебе и, может быть, к чину  
Высшему отворит вход...

[Там же, с. 159];

<sup>9</sup> Именительный темы, вставка и присоединительная конструкция [Кантемир, с. 181, 182, 184], кстати, встречаются и в девятой сатире, хотя многие исследователи считают, что ее автором был не Кантемир, а некий подражатель [см., например: Муравьева; Калачева].

К востоку крайны пространны народы,  
Ближны некреям, ближны оксидракам,  
Кои пьют Ганга и Инда рек воды,  
Твоим те первы освещенны зраком,  
С слонов нисшедше, счастливы приемлют  
Тебя и сладость гласа твоего внемлют.

[Кантемир, с. 201]

Для исследователя поэтического синтаксиса в том его понимании, которое вкладывала в него И. И. Ковтунова в своих работах [Ковтунова], когда внимание исследователя направлено прежде всего на выделенные, подчеркнутые специальными приемами акцентуации построения и их коммуникативные эффекты, произведения А. Кантемира дают необычайно богатый материал, который нашел отражение в рубрике «Риторические приемы» Синтаксического словаря русской поэзии. Построение сложных многочастных конструкций совершается Кантемиром по законам периодической речи, с частым использованием метафоризации, гиперболизации, иронии, каламбура, инверсии, эллипсиса, риторического вопроса или восклицания, для стилистического «повышения» слога сатир:

Малый свой дом, на своем построенный поле,  
Кое дает нужное умеренной воле:  
Не скудный, не лишний корм и средню забаву —  
Где б с другом с другим я мог, по моему нраву  
Выбранным, в лишны часы прогнать скуки бремя,  
Где б, от шуму отдален, прочее все время  
Провожать меж мертвыми греки и латины,  
Исследуя всех вещей действия и причины,  
Учась знать образцом других, что полезно,  
Что вредно в нравах, что в них гнусно иль любезно, —  
Желания все мои крайни составляет.

[Кантемир, с. 147]

Это пристрастие Кантемира к грамматическому параллелизму, лексическому повтору, инверсии восходит, несомненно, к образцам античной риторики и поэзии: так, еще Г. А. Гуковским [Гуковский, с. 147–148] высокая частотность различных типов повтора была указана как наиболее существенная особенность стилистики и синтаксиса древнегреческой оды, — тем более что в начале 1740-х гг. Кантемир переводил анакреонтику.

На слог Кантемира, очевидно, не могло не оказать влияния стремление представителей стиля «плетения словес» «наращати слова», как и требование риторик рубежа XVII и XVIII вв. «амплефековати» [см.: Маркасова, с. 180–190, 201–202]. Система риторических приемов первой эпохи российских языковых реформ требует (разумеется, в рамках отдельной работы) специального комплексного анализа, который, несомненно, способствовал бы прояснению далеко еще не осознанного во всей своей сложности вопроса «о роли риторики в истории литературного языка» [Бухаркин, с. 47].



Кантемир был одним из первых российских авторов, кто осознал стихотворство в качестве творческого занятия, важного элемента культурно-языкового строительства и акта саморефлексии, стремясь к тому, *«чтоб здравому смыслу речь служила, / Не нужда меры слова беспутно лепила; / Чтоб всякое, на своем месте стоя, слово / Не слабо казалось, ни столь лишно ново»* [Кантемир, с. 173].

«Синтаксический портрет» Антиоха Кантемира, формировавшийся, несомненно, на пересечении многих литературных влияний — древнегреческой, латинской и церковнославянской литературы, словесности европейского барокко, западнорусской силлабики, — и является по своему характеру отнюдь не бессистемно-эклектическим, но синкретическим, синтетическим, очень сложно организованным в соответствии с главной для создателя и реформатора русской лиры художественной задачей: воплотить движение просветительской мысли в условиях только нарождавшейся и потому остающейся еще элитарной светской литературы. Тернистому пути поиска ответов на «вечные» вопросы в «темноте» заповедных истин закономерно должен был соответствовать столь же «трудный» синтаксис. Поиски Антиоха Кантемира в области «грамматики поэзии» опередили, и намного, свое время, оказавшись сродни не только течениям эпохи модернизма (например, «заумь» футуристов, как и лозунг имажинистов «ломать грамматику»), но и новейшему этапу в развитии поэзии, вобравшему в себя традицию в качестве индивидуально переработанной и постмодернистски трансформированной основы «необщего» выражения, когда автор самоиронически экспериментирует с формой, не считая возможным «говорить по-простому» «в эпоху утраченной простоты» [Эко].

### Сокращения

ББСП	бинарные бессоюзные предложения
БССП	бинарные сложносочиненные предложения
БСПП	бинарные сложноподчиненные предложения
МБСП	многокомпонентные бессоюзные предложения
МСПП	многокомпонентные сложноподчиненные предложения
МСПРз	многокомпонентные предложения с разными типами связи
МСППБ	с подчинением и бессоюзием
МСПСБ	с сочинением и бессоюзием
МСПСП	с сочинением и подчинением
МСПСПБ	с сочинением, подчинением и бессоюзием
МССП	многокомпонентные сложносочиненные предложения
НДП	неосложненные простые двусоставные предложения
НОП	неосложненные простые односоставные предложения
НП	нечленимые предложения
ОДП	осложненные простые двусоставные предложения
ООП	осложненные простые односоставные предложения

Сил13	силлабический стих с указанием количества слогов в строке
ФП	фразеологизированные предложения с ослабленной синтаксической членимостью, высказывания-автоматизмы

### Источники

*Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1956. (Библиотека поэта ; Большая серия)

*Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М. ; Л. : Советский писатель, 1963. (Библиотека поэта ; Большая серия)

### Исследования

*Адодулов В. Е.* «Anfangs-Grunde der Russischen Sprache», или «Первые основания русского языка» / А. А. Ветушко-Калевич, С. С. Волков, Л. Н. Григорьева и др. ; отв. секр. Н. В. Карева. СПб. : Нестор-История, 2014.

*Акимов Г. Н.* Размер предложения как фактор стилистики и грамматики (на материале русского литературного языка XVIII в.) // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 67–79.

*Акимов Г. Н.* Ширина соподчиненного куста как принцип разворачивания предложения (на материале языка М. В. Ломоносова) // Československa rusistika. 1976. № 5. С. 96–108.

*Александренко В. Н.* К биографии князя Кантемира // Варшавские университетские известия. 1896. Кн. 2. Отд. III. С. 1–24 ; Кн. 3. Отд. IV. С. 25–46.

*Бабаева Е. Э.* Язык в зеркале размышлений поэта (К реконструкции лингвистических воззрений Антиоха Кантемира) // XVIII век. 2013. Т. 27. С. 26–48.

*Бабаева Е. Э., Запольская Н. Н.* Языковой континуум Петровской эпохи : Обзор грамматических трактатов первой четверти XVIII в. // Исследования по славянскому историческому языкознанию : [сб. ст.] : памяти проф. Г. А. Хабургаева / [отв. ред. Б. А. Успенский, М. Н. Шевелева]. М. : Изд-во МГУ, 1993. С. 188–206.

*Бухаркин П. Е.* Риторика и история литературного языка // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 47–53.

*Гаспаров М. Л.* Русский силлабический тринадцатисложник // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 3. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 132–157.

*Градова Б. А.* А. Д. Кантемир — составитель первого русско-французского словаря // A Window on Russia : Papers from the V Intern. Conf. of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Gargnano, 1994 / ed. by M. Di Salvo a. L. Hughes. Roma : La Fenice, 1996. P. 15–159.

*Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л. : Academia, 1927.

*Довгий О. Л.* Грамматика поэзии в сатирах А. Д. Кантемира // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76, № 1. С. 15–21.

*Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М. : Языки славянской культуры, 1996.

*Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М. : Языки славянской культуры, 2004.

*Живов В. М., Кайперт Г.* О месте грамматики И. В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: Интерпретация отношений русского и церковнославянского // Вопросы языкознания. 1996. № 6. С. 3–30.

*Кайперт Г.* Церковные книги в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» М. В. Ломоносова // Русистика сегодня. 1995. № 4. С. 31–46.

*Калачева С. В.* Кантемир и рукописная традиция: (Был ли Кантемир автором сатиры «К Солнцу. На состояние света сего») // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 4. С. 175–183.

*Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М. : Наука, 1986.

Маркасова Е. В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII — начала XVIII века. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002.

Михальчи Д. Е. Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе : дис. ... д-ра филол. наук : 10.00.00. Л., 1969.

Муравьева Л. Р. Проблемы так называемой «девятой» сатиры А. Д. Кантемира // XVIII век : сб. ст. и материалов. Сб. 5 / [отв. ред. П. Н. Берков]. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 153–178.

Николаев С. И. Трудный Кантемир (стилистическая структура и критика текста) // XVIII век : [сб. ст. и материалов]. Сб. 19. СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1995. С. 3–14.

Прийма Ф. Я. Антиох Дмитриевич Кантемир // Кантемир А. Д. Собрание стихотворений / [вступ. ст. Ф. Я. Приймы] ; [подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича]. 2-е изд. Л. : Сов. писатель, [Ленингр. отд-ние], 1956. С. 5–52.

Радовский М. И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1959.

Руднев Д. В. Система связочных глаголов в произведениях Антиоха Кантемира // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. 9, № 2. С. 470–494.

Русско-французский словарь Антиоха Кантемира : в 2 т. / [вступ. ст. и публ. Елизаветы Бабаевой]. М. : Азбуковник : Языки славянской культуры, 2004.

Салова С. А. А. Д. Кантемир — оппонент В. К. Тредиаковского // В. К. Тредиаковский и русская литература : сб. ст. / отв. ред. А. С. Курилов. М. : ИМЛИ РАН, 2005. С. 94–109.

Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. / под ред. Н. В. Патроевой. Т. 1 : Кантемир, Тредиаковский. СПб. : Дмитрий Буланин, 2017.

Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л. : Наука, 1985.

Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке: (Доломоновский период отечественной русистики). М. : Наука, 1975.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М. : Наука, 1985.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М. : Гнозис, 1994.

Успенский Б. А. Доломоновские грамматики русского языка : (Итоги и перспективы) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. III : Общее и славянское языкознание. 2-е изд., испр. и перераб. М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1997. С. 477–479.

Шатир М. И. «Versus» vs «prosa»: пространство-время поэтического текста // Philologica. 1995. Т. 2, № 3–4. С. 7–47.

Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб. : Гиперион, 2004.

Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы. М. : Книжная палата, 1989. С. 427–467.

Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer. München : Verl. der Bayerischen Akademie der Wissenschaften in Kommission beim Verlag C. H. Beck München, 2002. (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen. Neue Folge; Hft 121).

Glück J. E. Grammatik der russischen Sprache (1704) / Hrsg. und mit einer Einl. vers. von H. Keipert, B. Uspenskij, V. Zivov. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verl., 1994. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Neue Folge ; Bd. 5 (20)).

Huterer A. Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus. München : Sagner, 2001. (Slavistische Beiträge ; Bd. 408).

## References

Adodurov, V. E. (2014). "Anfangs-Grunde der Russischen Sprache", ili "Pervye osnovaniia rossiiskogo iazyka" [Anfangs-Grunde der Russischen Sprache or The First Foundations of the Russian Language]. St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Akimova, G. N. (1973). Razmer predlozheniia kak faktor stilistiki i grammatiki (na materiale russkogo literaturnogo iazyka XVIII v. [The Size of the Sentence as a Factor of Stylistics and Grammar (Based on the Material of the Russian Literary Language of the 18<sup>th</sup> Century)]. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 67–79.

Akimova, G. N. (1976). Shirina sopodchinennogo kusta kak printsip razvertyvaniia predlozheniia (na materiale iazyka M. V. Lomonosova) [The Width of the Subordinate Tree as a Principle of Unfolding a Sentence (Based on the Language of M. V. Lomonosov)]. *Československa rusistika*, 5, 96–108.

Aleksandrenko, V. N. (1896). K biografii kniazia Kantemira [To the Biography of Prince Kantemir]. *Varshavskie universitetskie izvestiia*, Book 2, Otd. III, 1–24; Book 3, Otd. IV, 25–46.

Babaeva, E. (Publ.). (2004). *Russko-frantsuzskii slovar' Antiocha Kantemira* [Russian-French Dictionary of Antiochus Kantemir] (Vols. 1–2). Moscow: Azbukovnik; Iazyki slavianskoi kul'tury.

Babaeva, E. E. (2013). Iazyk v zerkale razmyshlenii poeta (K rekonstruktsii lingvisticheskikh vozzrenii Antiocha Kantemira) [Language in the Mirror of the Poet's Reflections (Towards the Reconstruction of the Linguistic Views of Antiochus Kantemir)]. *XVIII vek*, 27, 26–48.

Babaeva, E. E., & Zapol'skaya N. N. (1993). Iazykovi kontinuum Petrovskoi epokhi: obzor grammaticheskikh traktatov pervoi chetverti XVIII v. [Language Continuum of the Petrine Era: Review of Grammatical Treatises of the First Quarter of the 18<sup>th</sup> Century]. In B. A. Uspenskij, & M. N. Sheveleva (Eds.), *Issledovaniia po slavianskomu istoricheskomu iazykoznaniiu. Pamiati professora G. A. Khaburgaeva* [Studies in Slavic Historical Linguistics. In Memory of Professor G. A. Khaburgaev] (pp. 188–206). Moscow: MGU Publ.

Bukharkin, P. E. (2017). Ritorika i istoriia literaturnogo iazyka [Rhetoric and History of Literary Language]. *Mir russkogo slova*, 1, 47–53.

Dovgii, O. L. (2017). Grammatika poezii v satirakh A. D. Kantemira [Poetic Grammar in A. D. Kantemir's Satire]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*, 76(1), 15–21.

Eco, U. (1989). Zametki na poliakh "Imeni rozy" [Postscript to *The Name of the Rose*]. In U. Eco, *Imia rozy* [The Name of the Rose] (pp. 427–467). Moscow: Knizhnaia palata.

Gasparov, M. L. (1997). Russkii sillabicheskii trinadsatislozhnik [Russian Tridecasyllabic Poetry]. In M. L. Gasparov, *Izbrannye trudy* [Selected Works] (Vol. 3, pp. 132–157). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Glück, J. E. (1994). Grammatik der russischen Sprache (1704) (H. Keipert, B. Uspenskij, & V. Zivov, Eds.). *Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Neue Folge*, 5 (20). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag.

Gradova, B. A. (1996). A. D. Kantemir — sostavitel' pervogo russko-frantsuzskogo slovaria [A. D. Kantemir, the Compiler of the First Russian-French Dictionary]. In M. Di Salvo, & L. Hughes (Eds.), *A Window on Russia: Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Gargnano, 1994* (pp. 155–159). Roma: La Fenice Gargnano.

Gukovskii, G. A. (1927). *Russkaia poeziia XVIII veka* [18<sup>th</sup>-Century Russian Poetry]. Leningrad: Academia.

Huterer, A. (2001). Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rufiischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus. *Slavistische Beiträge*, 408. München: Sagner.

Kalacheva, S. V. (1962). Kantemir i rukopisnaia traditsiia: (Byl li Kantemir avtorom satiry "K Solntsu. Na sostoianie sveta sego") [Kantemir and the Handwritten Tradition: (Was Kantemir the Author of the Satire *Towards the Sun. On the State of This World*)]. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki*, 4, 175–183.

Keipert, H. (1995). Tserkovnye knigi v "Predislovii o pol'ze knig tserkovnykh v rossiiskom iazyke" M. V. Lomonosova [Church Books in the *Preface on the Use of Church Books in the Russian Language* by M. V. Lomonosov]. *Rusistika segodnia*, 4, 31–46.

Keipert, H., & Huterer, A. (Eds.). (2002). Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. *Bayerische Akademie der Wissenschaften*.

*Philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen. Neue Folge, 121.* München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften in Kommission beim Verlag C. H. Beck München.

Kovtunova, I. I. (1986). *Poeticheskii sintaksis* [Poetic Syntax]. Moscow: Nauka.

Markasova E. V. (2002). *Predstavleniia o figurakh rechi v russkikh ritorikakh XVII — nachala XVIII veka* [The Idea of Figures of Speech in Russian Rhetoric from the 17<sup>th</sup> — Early 18<sup>th</sup> Centuries]. Petrozavodsk: PetrGU Press.

Mikhalchi, D. E. (1969). *Slaviano-russkaia grammatika Ioganna Vernerera Pauze* [Slavic-Russian Grammar of Johann Werner Paus] (habilitation dissertation). Leningrad.

Muravyeva, L. R. (1962). Problemy tak nazyvaemoi “deviatoi” satiry A. D. Kantemira [Problems of the So-Called *Satire 9* by A. D. Kantemir]. In P. N. Berkov (Ed.), *XVIII vek: sbornik statei i materialov*, 5, 153–178. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.

Nikolaev, S. I. (1995). Trudnyi Kantemir (stilisticheskaia struktura i kritika teksta) [Difficult Kantemir (Stylistic Structure and Text Criticism)]. *XVIII vek: sbornik statei i materialov*, 19, 3–14. St Petersburg: Nauka; St Petersburg Publishing Firm.

Priima, F. Ya. (1956). Antioch Dmitrievich Kantemir. In A. D. Kantemir, *Sobranie stikhotvorenii* [Collection of Poems] (pp. 5–52). Leningrad: Sovetskii pisatel’.

Radovskij, M. I. (1959). *Antioch Kantemir i Peterburgskaia Akademii nauk* [Antiochus Kantemir and the St Petersburg Academy of Sciences]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.

Rudnev, D. V. (2013). Sistema svyazoznykh glagolov v proizvedeniiakh Antiocha Kantemira [The System of Copular Verbs in the Works of Antiochus Kantemir]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 9(2), 470–494.

Salova, S. A. (2005). A. D. Kantemir — opponent V. K. Trediakovskogo [A. D. Kantemir, an Opponent of V. K. Trediakovsky]. In A. S. Kurilov (Ed.), *V. K. Trediakovskii i russkaia literatura: sbornik statei* [V. K. Trediakovsky and Russian Literature: Collection of Articles] (pp. 94–109). Moscow: IMLI RAN.

Shapir, M. I. (1995). “Versus” vs “prosa”: prostranstvo-vremia poeticheskogo teksta [“Versus” vs “prosa”: The Space-Time of a Poetic Text]. *Philologica*, 2(3–4), 7–47.

Shcheglov, Yu. K. (2004). *Antioch Kantemir i stikhotvornaia satira* [Antiochus Kantemir and Poetic Satire]. St Petersburg: Giperion.

Patroeva, N. V. (Ed.). (2017). *Sintaksicheskii slovar’ russkoi poezii XVIII veka* [Syntactic Dictionary of 18<sup>th</sup>-Century Russian Poetry] (Vol. 1: Kantemir, Trediakovsky). St Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Stennik, Yu. V. (1985). *Russkaia satira XVIII veka* [Russian Satire of the 18<sup>th</sup> Century]. Leningrad: Nauka.

Uspenskij, B. A. (1975). *Pervaia russkaia grammatika na rodnom iazyke: (Dolomonosovskii period otechestvennoi rusistiki)* [The First Russian Grammar in the Native Language: (The Pre-Lomonosov Period of Russian Studies)]. Moscow: Nauka.

Uspenskij, B. A. (1985). *Iz istorii russkogo literaturnogo iazyka XVIII — nachala XIX veka. Iazykovaia programma Karamzina i ee istoricheskie korni* [From the History of the Russian Literary Language of the 18<sup>th</sup> — Early 19<sup>th</sup> Centuries. Karamzin’s Linguistic Programme and Its Historical Roots]. Moscow: Nauka.

Uspenskij, B. A. (1994). *Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo iazyka (XI—XIX vv.)* [A Short Sketch of the History of the Russian Literary Language (11<sup>th</sup> — 19<sup>th</sup> Centuries)]. Moscow: Gnozis.

Uspenskij, B. A. (1997). Dolomonosovskie grammatiki russkogo iazyka : (Itogi i perspektivy) [Pre-Lomonosov Grammars of the Russian Language: (Results and Prospects)]. In B. A. Uspenskij, *Izbrannye trudy* [Selected Works] (Vol. III: *Obshchee i slavianskoe iazykoznanie* [General and Slavic Linguistics], pp. 477–479). Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kul’tury”.

Zivov, V. M. (1996). *Iazyk i kul’tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia in the 18<sup>th</sup> Century]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury.

Zivov, V. M. (2004). *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII—XVIII vekov* [Essays on the Historical Morphology of the Russian Language of the 17<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> Centuries]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury.

Zivov, V. M., & Keipert, H. (1996). О месте грамматики И. В. Паша в развитии русской грамматической традиции: Интерпретация отношения русского и церковнославянского [On the Place of J. W. Paus' Grammar in the Development of the Russian Grammatical Tradition: Interpretation of the Relationship between Russian and Church Slavonic]. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 3–30.

**Патроева Наталья Викторовна**

доктор филологических наук, профессор,  
заведующий кафедрой русского языка  
Петрозаводский государственный  
университет  
185910, Россия, Петрозаводск,  
пр. Ленина, 33  
E-mail: nvpatr@list.ru

**Patroeva, Natalja Victorovna**

Dr. Hab. (Philology), Full Professor,  
Head of the Department  
of the Russian Language  
Petrozavodsk State University  
33, Lenin Ave., 185910 Petrozavodsk, Russia  
Email: nvpatr@list.ru  
<https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>